

Михаил Байков

Город'ОК

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Михаил Байков

Город'ОК

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31735598

SelfPub; 2020

Аннотация

"Город'ОК" – это экзистенциальный роман. Здесь нежность прикосновений на одной странице и батарейки в промежности на другой. Здесь по разбитым дорогам не ходят герои, им нечего здесь ловить. Это картинки из жизни обычных и поэтому не обычных людей. Роман без завязки и кульминации, только развязка. Любовь здесь живет на каждой странице... В каждом дыхании... Слышишь? Содержит нецензурную брань.

Прости меня, Город, которому принадлежу.

Я многое сейчас расскажу,

И, может быть, это окажется лишним.

Но я буду верить в твою доброту,

И, стоя над Яузой, на мосту,

Хочу, чтоб ты слышал...

(1)

...стоит, черная-черная.

Черная шляпка, черная вуаль, впалые щеки, скулы, обтянутые бледной кожей – тонко. Красные губы. Черные ногти, длинные холодные пальцы. Шаль, юбка чуть выше колена, каблучок, сексуальна, как нестертый след помады на его мертвом бледном лбу. Отец превратился в тень. Черная, сухая тень в сторонке.

Вначале было слово, это потом оно становится криком. Вываливается из подъезда мать. Рыдает... Нет! Вопит! Голос сорвала. Хрипит, разрывая границы миров. Даже Городку страшно становится, стыдно. Пала на гроб плашмя. Близкие рядом. За плечи стали оттаскивать. Тело у мамы, как мешок, съехал черный набок платок. Поправляют, плачут, обнимают маму.

– Отстаньте!!! Дайте нареветься матери за нас!!!

Отдайте минуту и поцелуй. Минута молчания, часики над нами тикают. Тик–ТАК–Тик... Слышишь...

– Какой же здесь воздух!

Какой же здесь воздух: нет сравнений, эпитетов, метафор – одни эмоции. Какой же здесь воздух!!! Вдыхаешь полной грудью, мало. Дышишь!

Дышишь носом, ртом, кожей и все равно не надышаться – чисто здесь так. Благостно тебе от этого. Весело.

Не замечаешь этого, как не замечаешь времени, как не осознаешь сейчас, а лишь сию минуту желаешь, а потом мечтаешь. Не замечал этого чистого, с легкими нотками озона, воздуха после дождя и Антоха. Одиннадцатое сентября подходило к концу. Этому дню оставалось жить не более четырех часов, но это абсолютно никого не волновало. В этом году осень не горела пожарами 11 сентября. Было тихо, не летели самолеты в башни. В Городке воскресным осенним вечером на улицах не было ни души, дождь разогнал даже кошек и собак, а иногда проезжающие машины лишь ласково, стесняясь, нарушали тишину, как камень, брошенный в озеро, нарушает на минуту водную гладь. Машины удалялись, и тишина возвращалась.

Антоха шел быстро, хотя никуда не спешил. Перепрыгивал лужи, не вынимая рук из карманов. 27-летний лысый парнишка, укутавшись в мысли и застегнутую по подбородок олимпийку Lonsdale, шел под светом желтых фонарей, свет которых отражался в лужах на черном асфальте, в микрорайон «База», к своему давнишнему знакомому. Кроссовки New Balance, купленные на городском рынке за полторы тысячи рублей, промокли как-то сразу, и от этого и вооб-

ще от всего прочего становилось тошно. Думать невыносимо: в четверг Антоха получил зарплату, а сейчас на кармане было всего пятьсот рублей – долги, кредит, за квартиру, маме. Незаметно улетела эта двадцатка, заработанная за месяц, но даже этот факт был ерундой, по сравнению с тем, что опять возникло это щемящие недопонимание с больным отцом, после которого и остается, что только беспомощно громко хлопнуть входной дверью.

В плеере заиграл скачанный сегодня саундтрек к фильму «Околофутбола», что до него долбило в уши через наушники–капельки, Антоха понятия не имел, что–то громкое. Не слышал, не обращал внимания. Месиво из мыслей в голове разжижалось, иголки в груди постепенно притуплялись, не так кололи больно. Репчик для пацана – спасательный круг, как душевный шансончик в машине на трассе.

– Шоколадку «Аленка», пол–литровую бутылку лимонада «Mirinda», четыре бутылки пива и пачку сигарет. Ментоловых, – продавщица магазина «Янтарь», девушка с русыми волосами и с глазами навывкате, понимающе улыбнулась.

– Вам пакет нужен? – дежурно поинтересовалась Анна. Имя значилось на бейджике.

– Конечно, нужен. Джентльмены с пакетами в карманах не ходят! – эту фразу Антоха где–то вычитал. Наверное, в паблике «Как стать джентельменом». Разумеется, на него он подписан не был. Попался этот пост, когда рекомендации ли-стал.

– Точно все? Или еще что брать будешь?

«Будешь»... Антоха был из тех, кому после пары фраз продавщицы и даже в банке на кассе говорят «Ты».

– Не знаю. Давай еще тогда семечек.

Девушка за прилавком сама все сложила в пакет.

– Спасибо, Ань!

– Пожалуйста.

В Городке лично или заочно знали друг друга все или почти все. Антон помнил со времен школьных дискотек и Аню. Помнил, что она рано начала гулять с парнями и сейчас живет одна с дочкой. Знал заочно Антоха и другую продавщицу. Ее звали редким для его поколения именем Зоя, она была супругой его коллеги по работе. Зоя знала и Антона, но они не поздоровались, этим Городок и отличался от деревни, где здороваются все.

Антоха вышел на крыльцо магазина «Янтарь». Крылечко было одето в новую плитку, шикарный резиновый коврик и блестящие перила. Украшало все это убранство светодиодная вывеска. Слово «Янтарь» горело, мигало, сияло то всем словом сразу, то поочередно одной буквой. А еще этот кирпичный магазин был последним островком света, как крепость, стоял он и освещал перекресток. Влево в темноту убегала изрытая, а местами вспенившаяся от дождя и времени, без ремонта дорога, ведущая на «Базу». Антоха закурил. Бросит – никак не получалось: то одно, то другое. Никак все «ладно» в жизни не становится...

– Одну вечером можно, тем более ментоловая, – сам себя обнадежил Антоха и шагнул с крыльца, прямо в лужу. Уж слишком себя обнадежил.

Дорогу осилит идущий даже во мраке без фонарей. Сосны на обочинах вымахали, гигантами стали, лишь макушки в звездном небе светятся, а у ног кусты с чахнувшей осенней листвой от дождя совсем поникли. Бутылки, пакетики, окурки, а соснам что до этого. Лапы там, в высоте, раскинули, того и гляди сцепятся одна сосна с другой по разным берегам дороги. Крыша зеленая будет, как в сказке.

Антоха вспомнил, что в свежем номере районной газеты «Наша Жизнь», которая с безжалостным увольнением главного редактора Леонида Карельского стала листовкой, голосом правды, писали, что на следующий год пилить эти деревья будут, потому что создают они аварийную ситуацию на дороге, ведущей к «Базе». Этой весной две машины лоб в лоб здесь столкнулись на повороте, а летом Колька Студент прямо в сосну въехал. Расшибся здорово. Все каникулы в больнице да на костылях проковылял. Сейчас уехал, Антоха шел и думал о нем. Катался он на его «Ямахе», разгон до сотни за десять секунд.

За этими думками Антоха и подошел к первому одинокому фонарю, который, понутив голову, светил в сторону, а не на дорогу, но это все равно значило, что «База» начинается, и этот первый белокаменный дом, с огромными окнами и тя-

зелеными дверями, вызывал уважение, которое пришло на смену детскому страху. В детстве кажется, что в таких домах, за этим покосившимся высоким забором, под этой крышей, заваленной листвой, живет старуха, которая умеет гадать и наводить порчу. На самом деле так оно и было, просто взрослым об этом некогда помнить, когда совсем тяжело становилось, за надеждой к ней приходили, она болезни заговаривала, главное поверить ей надо было. Дом старухи был вообще единственным одноэтажным зданием, все остальные дома на «Базе» были в два этажа, в один подъезд и на восемь квартир, по четыре на каждом. Дома эти были разбросаны по земле, как брызги крови из артерии дракона. На месте этих капель, по городской легенде, обшарпанные домики и выросли, поэтому и не поддавалась никакой логике их нумерация. Пахли эти дома под шиферной крышей с одним чердачным окном, где жили голуби, чесноком и крепким рабочим словцом, наверное, поэтому городские демоны редко сюда заглядывали, и «База» был самым спокойным райончиком Городка.

Дом под номером десять с легкостью мог упираться стеной в дом двадцать пять, но Антоха точно знал, куда идти, и не обращал внимания на сломанные скамейки, пустые урны, вкопанные покрышки, покрышки клумбы, покрышки–лебеди и черные качели. Домофоны еще не пришли сюда, и подъезды от котов защищали хлюпкие фанерные двери с заматеревшими от мозолистых рук рабочих дверными ручками.

–О, здорова! Ты че тут делаешь? – в дверях подъезда Ан-

тоха встретил своего одноклассника Юрца.

– Фига, привет! Тысячу лет тебя не видел! Да надо тут с человечком пересечься: Ты че? Как сам?

– С рыбалки только приехал. Тут хату купил!

– Сколько стоит?

– Больше миллиона...

– Малорик. Где работаешь?

– Да все там же. В охране. Ты где трудишься?

– Сейчас на железке.

– Сколько платят?

– Наверное, поменьше твоего. Ладно, давай, меня ждут.

– Ага, давай удачи.

«Фига, он растолстел», – поднимаясь по лестнице, удивлялся Антоха.

«Фига, он похудел», – забирая из машины рыболовные снасти, удивлялся Юрец.

Замок в дверях два раза щелкнул, и в свете тусклой лампочки появился Виктор. Антоха сделал уверенный шаг в прихожую.

– Заходи, дорогой! Ты меня угостил тогда, я тебя сейчас угощу. Тогда вообще меня удивил. В Городке всё больше сук становиться, а ты человек.

Антоха развязывал шнурки и смотрел на Виктора. Нос картошкой краснел, две залысины на лбу, вихрь на макушке, следы от оспы на щеках и висках, борода куцая на неровном подбородке клоком торчит. Виктор уже был поддат.

– Проходи на кухню, ко мне братиш пришел. Сидим, пиво пьем. Знаешь моего брата?

– Да. Где–то, когда–то пересекались, – устало вытянул Антоха, проходя из полуразрушенной, грязной прихожей в светлую с бежевыми обоями, новыми холодильником, газовой плитой, линолеумом и круглым, на металлических ножках столом, и мягким уютным уголком кухню.

– Вот здесь ремонт сделал, осталось раковину поменять, – Виктор грешил хвастовством.

– Все сам делал, садись на диванчик или вот на мягкий стул. Антон предпочел стул, невольно взглянув и на раковину, которая больше напоминала грязный тазик.

– Пиво будешь? – Виктор достал из–под стола полторашку.

– Не, я тут решил подзавязать с бухлишком. Давай лучше покурим. Я вот и бутылочку, и шоколадку принес.

– Сразу видно – мастер, – Виктор присвистнул. Пьяно и глупо улыбаясь. – Виктория, иди сюда! Дядя Антон шоколадкой угостит. – Вика моя дочка. Умница. Уже по слогам читает.

Антон сжал плечи, и сразу сжалось, что–то внутри, от слова «дядя» и от взгляда больших, простых, как пятирублевая монета, глаз в синеньком платишке.

– Спасибо, – Виктория схватила пару долек шоколада и ускочила в комнату.

– Возьми лимонад! – Антон застыдился девочки.

– Да перелей в стакан, – небрежно и нетерпеливо скривив губы, махнул рукой Виктор. – Захотят, сами прибегут.

– А с кем она?

– С младшенькой.

Антон тяжело выдохнул и стал делать из пластиковой бутылки уточку. Витя тем временем встал и из вентиляционного отверстия в стене достал гашиш.

– Видал, какая у меня прятка, – гордясь собой и пряткой молвил Виктор.

– Да многие туда стаф прячут. Можно гашиш с моей травой курить.

– Ты хочешь, чтобы мы вообще потерялись?

– Да мы давно потерялись...

– Саня, пыхай, – Антон тянул через стол и переполненную пепельницу бульбик брату Виктора

– Не, спасибо. У нас на работе экспресс–тесты делают. Могут проверить на наркотики. А раньше я курил, – как бы оправдываясь, замотал головой Саня. – Я вот по пивку угурю. Круглолицый Александр был лощенее своего младшего брата, держал большую полную кружку с пенкой в мягкой пухленькой ручке и пил пиво размеренными глотками – наслаждаясь. Витя после двух хапок кривлялся и пил жадно, взахлеб.

– «Чтоб жить взахлеб любя...» есть такие строчки у Евтушенко. Городок любил Евгения.

– Суки! Суки кругом в этом Городке, Антоха. Людей во-

обще мало осталось. Никто! Никто не поможет. Никто руки не подаст. Сдохнешь, всем похерам будет. Но мы не сдохнем, мы будем биться. Ты, Я, Саня! Мы – воины! Я за вас загрызу. За дочек загрызу!

– Папа, там компьютер завис, – прервала героические речи отца Виктория. Она стояла на кухне в сигаретном дыму, ростом чуть выше стола.

– Мама придет, сделает. Иди в куклы поиграй или на планшет возьми, – Виктор мог порвать за дочек, невидимых врагов, но не мог сейчас перезагрузить компьютер.

– Как тебе, Антоха, в этом убогом колхозе живется после Москвы?

– Да слушай, первый год вообще ништяк было. Природа, тишина, нет этой суеты. А сейчас подустал, движухи охота. Да и напрягает, что Городок стеклянный – в одном конце пернул, в другом сказали, что обоссался.

– Эти суки и питаются нами. Поехали со мной в Питер, у меня сейчас заказ будет на ремонт.

– В Питер, конечно, можно, но, Вить, у меня здесь работа. И это...

– И че ты счастлив?

– Не знаю. Стабильно. Ладно, пойду я. Поздно уже. У тебя жена скоро придет.

– Иди! Отсюда не уйти.

Витю несло. Раззадорило. Еще хапка, закрылись глаза

Антоха шел по улице. Шел домой – домой идти не хоте-

лось. Почему так часто бывает: так хочется оказаться там, где тебя нет, сделать то, что сейчас ну никак не получается, увидеть то, что сейчас просто невозможно? А потом спустя время, оказываешься там, делаешь и видишь, что хотел, а кайфа нет? Нет той сладости, с которой об этом мечтал. «Был бы телепорт», – думал Антоха, но сам понимал, что просто не имеет никого понятия, где бы он хотел оказаться. Наверное, там, где все иначе, но только не дома. Дома ждут, как ни крути, но так хотелось прийти домой, и, чтобы там все уже спали.

– От вас поехали, на отворотке на Акишево остановились, да, есть еще такая деревня. Сейчас там вроде пять домов, где круглый год живут, осталось. Летом может домов пятнадцать. Так вот, там столько рыжиков набрали. Такие большие, сочные, как булки. Веришь! Нет? Рыжики, как булки! Кааак бууулки, – щебетала по стационарному телефону пышная, как булка, Вера Андреевна, уже год как вышедшая на пенсию, но все еще работающая главным бухгалтером на чахнущем местном маслозаводе. – Антон гулять ушел. Опять что–то с отцом не поделили. Опять угрюмый ходит. Чувствует...

Вера Андреевна, несмотря на легкость разговора, не смогла договорить, что чувствует батя.

– Да.... На глазах сохнет...

Павел Николаевич сидел на балконе и хотел закурить. Ку-

ритель запретили врачи из-за рака легких. Павел Николаевич хотел курить не физически, как тогда, когда бросал курить и легкие вздувались, требуя порцию смол, челюсть сводило, а мозг требовал никотиновую ванночку. Мужчина, сидящий в овчинном тулупе осенним вечером на балконе третьего этажа и смотрящий, как таджики под светом прожектора обклеивают серый монолитный дом желтым красивым облицовочным кирпичом, хотел курить мечтательно. Глубоко, сильно и редко затягиваясь и расслабляясь. Павел Николаевич откинулся на спинку кресла и сделал глоток остывшего кофе. Полюбил последнее время Павел Николаевич кофе, сваренный в турке. Может быть, и раньше он его любил, да не было случая, заменяла настоящий кофе растворимая параша из жестяной банке, как и настоящий чай заменяется краской в пакетике. Кофе в кружке «Москве 850 лет» – теперь точно последний раз он был в столице на этом юбилее – оставалось меньше половины.

– Допью кофе и надо фильм «Дурак» досмотреть. Еще глоток кофе сделал Павел Николаевич.

– А чего ждать, прямо сейчас с кофе и пойду, – сам себя подбодрил Павел Николаевич.

Ждать... А ведь всегда он ждал. Это даже стало смыслом жизни, движущей силой. В школе Пашка ждал каникул, хотя детства уже совсем не помнил. Воспоминания из детства были как фотокарточки в пожелтевшем журнале, подшивка которых на чердаке, на даче хранится. Вспоминалась длин-

ная, желтая из-за песка улица, ряд деревянных одноэтажных домов и, самое главное, березы. Сейчас их уже спилили, выросли большие, а он помнил, как пацанами с них майских жуков трясли. Всегда он чего-то ждал: выпускных, экзаменов, дембеля, отпуска, лета. Отпуск заканчивался, и Павел снова ждал. Посылку, посылку, тринадцатую, звонка брата из Москвы. Потом стал ждать детей, потом когда они пойдут в школу, когда вернутся с дискотеки, когда внуков принесут нянчить. Ждал Павел Николаевич пенсии, ждал, как выйдет на даче после бани будет сидеть в кресле качалке, крыжовник есть, отдыхать. Всего дожидался. Дождался – смерть на пороге.

Замолвил за него словечко Городок, попросил у своей тетки теперь Павла подождать, и Павел Николаевич стал озером. Озером без ряби. Чистая гладь. Ничего не ждать: упиваться мгновением между прошлым и будущим, он научился слушать, молчать и много читал. Все это позволили взглянуть на мир шире, на этот дивный-дивный мир. Мир без границ, в котором живем, который надо скоро покинуть. Он почти подошел, осталось совсем полшага, и он окажется там. Там счастливые без зависти и злости, они без спроса ходят в гости, где люди, как люди по образу и подобию. Павел Николаевич уже не корил себя, что поздно открыл эти книги, ведь никогда ни о чем не стоит жалеть, он знал, пусть кто-то прекрасно играет на флейте, еще прекраснее слушает Он. Он радовался каждой минуте, каждому дню, каждому самому луч-

шему дню, вечеру, ночи, рассвету, закату, звонкому смеху соседской девчухи. Это был не восторг, в восторге пребывают младенцы да несчастные старики, которые уже впали в детство. Это было другое – это было понимание, плата за откровения. Павел Николаевич уже слышал, как шагает кошка, слышал, как растет трава. Эта была нирвана летнего дождя в знойный час. Но! Это убийственное НО, эта колючка, эти дважды два на грязном небе, эти прожиточные минимумы, распри народов, чернуха в новостях. Павел Николаевич не брал ответственность, не молился за всех, а молил на жизнь: за Антоху, за дочку Кристину да жену, за соседскую девчуху да за мамку непутевую ее, а еще перед сном покойных с Президентом поминал. Всех живых жалко было, как жалко в тридцатиградусный мороз собачонку дворовую, что жметя к окну подвальному, свернувшись калачиком, кусочек тепла бережет. Жалко, а что поделать? Домой не возьмешь, не согреешь, можешь только прикормить да застесняться взгляда благодарного ее. Тяжело понимать, не зная, что изменить. Тяжело было Павлу Николаевичу знать, что после ЕГО смерти, снимут фотографии со стен, останется страна без головы. Будут рвать отчизну там наверху на куски, будет флаг трепыхаться на ветру, а все тяжесть на плечи Антохи и других сынов опустится. Спина не согнется, тяжело поколению будет. Знают ли там наверху? Конечно, знают. Давно уже все просчитали, но будут свою выгоду, за правду продавать. А как Городку подготовиться?

– Берегите мир, – просил Павел Николаевич все чаще.

Защемило в груди, закашлялось больно. Непокойно стало отцу, опять до сына не достучался, опять он ушел не договорив. Как же донести, а может, и не стоит ничего говорить. Советчиков всегда тьма, а он умный, советы ему совсем не нужны.

Выдохнул, научился мысли пресекать, не давать ряби на озере волнами становиться, шторм в пустоте в тишину превращать.

Павел Николаевич сделал огромный глоток уже совсем холодного кофе и даже зачерпнул гущи со дна. Освежился и стал погружаться в светлое будущее. Увидел, как достроят новый дом, во дворе появятся детские площадки, на них будут играть дети. Павел Николаевич даже видел лица этих детей: вот Мирослав у Эмилии велосипед сломал, цепь слетела, вот Ванюха в Аленку грязью кинул, заигрывает, а вот они уже и куличики вместе лепят, а ближе к вечеру молодежь собирается. Выпускники выпускниц на качелях качают, воркуют. Целоваться хотят. Стесняются.

Все это видел Павел Николаевич, слышал, чувствовал, знал, что так будет, несмотря ни на что, знал, что на этом балконе его уже не будет. Городка не будет в нем, его не будет в Городке. От этой мысли было так хорошо, что хотелось исчезнуть прямо сейчас, больше не мучить себя этими бесполезными походами к местным знахарям, а главное, больше не мучить свою жену. Свою Веру. Все разговоры о скорой

смерти Вера воспринимала больно, начинала взмахивать руками, надувала щеки, краснела, пыхла как самовар, а потом ласково называла дураком, а Павел Николаевич считал это комплиментом, ведь нет никого мудрее дурака, а он жену ни разу не обманул. Хотя и не тратил слова, всего пару раз сказал, последний раз эти слова готовился произнести.

– Я тебя люблю.

Единственное, в чем он себя корил, что продолжало сидеть занозой, так это то, что так мало общался с сыном, а сейчас это нечестно выходило, а потому коряво, спотыкались они в беседах, расходились во мнениях. Павел Николаевич не отчаивался, смысла уже не было, некогда было отчаиваться, искал он путь, стучался в двери...

Вот и все! Ты ждал, надеялся и верил, но наступает день, и ты узнаешь – все, чего ты так ждал, не будет. Никогда. Облом. Четкое понимание. Ясность осознания облома. И в этот момент ты становишься пустым. Как шарик, из которого выпустили воздух. существуешь только сейчас и ты – ты дряблая оболочка, сейчас бесконечно пусто. Ни потом, ни завтра. Тебе не больно. Нет! Нет слов. Таких эмоций ты еще не переживал, кажется, нет эмоций. Ты спокоен. Внутри нечему волноваться – внутри пусто. Нет мыслей. Вообще никаких. Тихо. Думать не о чем, представлять нечего. Ты забыл, как это делать. Ты даже забыл, как шевелиться. Да и шевелить уже незачем. Ты слышишь, как идут часы, но времени нет.

Оно не остановилось, его просто нет. Нет неба. Нет земли. Есть только ты и пустота. Вокруг пустота. Пустота – это ты...

Ваня не был ни философом, ни поэтом, ни художником, поэтому он лежал на кровати и просто смотрел в потолок. Наверное, долго, потому что начал видеть в темноте. А может он только проснулся? Времени не было. Была пустота. Перводанная, та самая мифологическая пустота, предшественница хаоса. Ваня чувствовал и не чувствовал ее. Было не страшно, было прохладно, но закутываться в одеяло уже было незачем. Ваня закрыл глаза, но все равно видел потолок. Он как будто уехал. В этой поездке не было движения, не было перемещения в пространстве. Поездка отслоилась в другое измерение. В другую жизнь. Это путешествие было как рулет, как клубничный рулет из детства, который он разворачивал слой за слоем, чтобы слизать начинку.

Ваня постепенно приходил в жизнь, время еще не появилось. Пустота снаружи грохотом в ушах, как встречный поезд, столкнулась с пустой внутри. Полетели вагоны в кювет, лучик света забрезжил, заворочались мысли, пустота задвигалась, как желе, приобретая хаотичность.

Хаус рождает систему.

Скрипы, щель света под дверью мигнула, значит, кто-то прошел. Незнакомая слабость в мышцах. Мышцы, как пудинг, и кажется, стекают к ступням. Пить. Хочется пить.

Ваня вышел в коридор. Свет был приглушен. В воздухе что-то витало. Что-то нездоровое, знакомое, ватное. Ваня

стал вспоминать, что это, но вспомнил, что хочет пить.

– Вам уже лучше? – неизвестно откуда появилась женщина в белом. Вся в белом, лица даже вроде нет. А может его не разглядеть. Ничего не понятно.

– Я хочу пить...

– Сейчас ночь. Вам лучше поспать.

– Я не хочу спать

– Надо.

– Я хочу пить.

– Пройдите в палату, я принесу.

Ваня сидел на краю кровати в трусах и халате. За окном светало. И это небо в окне. Такое незнакомое небо в окне.

– Почему я должен спать?

– Потому что сейчас ночь, – казалась, женщина улыбается.

– Но на улице светло.

– Сейчас лето

Лето. Лето. Лето. Стало стучать в голове у Ивана.

– Что вы делаете?

– Укол.

– Зачем?

– Спите.

Лето. Пустота заполнялась. Появлялось время. Тишина исчезала. Хаус стал принимать очертания. Жизнь стала формой, появилась боль.

– Я в больнице. Надо валить отсюда.

Ваня вышел на перрон Городка и не крикнул громко: «Привет!». Желтый одноэтажный вокзал ничуть не изменился, но уже был не родной, как тогда, когда он пришел из армии. Такой взрослый и уверенный. Никогда он больше не был так уверен в светлом будущем, как тогда, когда дембельнулся. Четкий план на стабильность. Никогда больше он не был таким взрослым, как тогда, когда возвращался с армии. Все было расставлено по полочкам как надо. Жизнь навела свои порядки, спутала карты. И в кассе вокзала не продается плацкартный до юности билет.

Вокзальный ларек, который открывался только тогда, когда останавливались пассажирские поезда, пах жареными пирогами и передавал привет из недавнего прошлого: «Продукты «Аленка». Pepsi», – вещала синяя вывеска. Она была куда роднее, чем просто знакомый Киря, который подскочил неизвестно откуда, протянул руку и также пусто исчез в толпе, как и его вопрос: «Как дела?». Вывеска была из детства, а Киря – непонятно откуда.

Ваня купил в киоске бутылку воды, обошел вокзал и приземлился на зеленую лавочку без спинки. Лавка без спинки, на такой не расслабишься, не разомлеешь под солнцем, да и с ногами на спинку не сядешь, не оставишь грязный след на выкрашенных досках. Рядом стоял трехметровый каменный солдат в одной руке держал каску, в другой – автомат. Смотрел каменный исполин на вечный огонь. Месяц как отбахали юбилейные речи и прогремели победные салюты. Са-

люты нашей Великой Победы. Георгиевские ленточки остались только на паре машин в Городке, у тех, кто привязал их покрепче к антенне на три узла. Ваня смотрел на солдата, солдат понурил голову, смотрел на огонь.

Вдруг у Вани опять, как тогда, как в те приступы сперло в горле. Обидно стало за то, что 9 Мая – стало майской данностью, тремя выходными со смачным запахом шашлыка и с пьяными песнями. Таким же майским ритуалом – как покупка пирожков на перроне. Нет, конечно, нет! Месяц назад все чествовали ветеранов, Президент и остальные начальники поздравили народ, площадь Красная вздрогнула под маршем. Да только не вздрогнули наши сердца, лишь обмотались Георгиевскими ленточками... Подняли сто грамм фронтовых. Не было никаких ста грамм! Это придумали и нам в голову втемяшили! 0.2 литра спирта на душу населения в год потребление алкоголя во время войны было. Подвиг совершило здоровое поколение. Это потом победителей стали спаивать, чтобы забыли, что за жизнь умирали. Время изничтожает, – дети пропивают победы отцов, что мы им скажем, когда встретимся вновь? Что вообще мы сказать можем нашим детям?

Ваня и сам не заметил, как оказался далеко-далеко в прошлом: *вот он бежит в доме дедушки и бабушки, стучит босыми ножками по полу, устланному половиками. Их еще его прабабушка ткала. Комнаты в их деревянном доме кажутся просто огромными. Из мебели в огромной комнате толь-*

ко шкаф полтора метра в высоту и сантиметров сорок в ширину, метра полтора в длину с тремя дверцами. Жили они не бедно, а все вещи в этот шкафчик помещались. Сервант, в нем за стеклянными дверками сервизы стоят, бабушка их достает, когда праздники большие и гости приходят, а гости это – ее дети с ее внуками все вместе собираются. Еще в комнате телевизор на тумбочке, диван твердый, правда, и два кресла. На них сидят дедушка и бабушка, у каждого свое кресло, вечерами там сидят, Первый канал смотрят. Вечером новую серию сериала, а утром, после выпуска новостей, в девять, ее пересматривают. Всего два канала у них. Бабушка охает, дедушка в печку курит. Ванюшка так рад. На его груди, на папиной рубашке, мама постирала ее в горячей воде, и она беспощадно села, две медали: «50 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг». Одна дедушкина, другая – бабушкина. Ваня прыгает к деду на колени. Руки у дедушки шершавые, а пальцы острые. Деда щекочет шалуна, медали позвякивают, они с дедом смеются. Ваня выворачивается и уже скачет на другое кресло рядом. Там баба. Руки у бабушки мягкие, добрые и теплые, как земля в грядке с клубникой на огороде. Все еще живы...

Все еще живы, Ваня не знает еще, какво это значит хоронить. Ваня открывает глаза, и вот он сидит на лавочке, на улице тепло, как в прошлом. Парк сосновый, верхушки деревьев поют невидимыми птицами. Вот она жизнь – вода из

бутылки в пересохшем горле. В прошлом не хочется пить, в прошлом еще жива супруга и маленькая Софа. Полгода назад они поехали отдыхать. «Папа купил нам путевку!», – щепетала счастливая Софья в детском саду.

А через тринадцать дней по всем телеканалам страны сказали: «Автобус с российскими туристами попал в аварию. Погибли тридцать два человека. Среди них трое детей». Сто сорок шесть миллионов россиян лишь ахнули: «Ну и дела...», а потом еще раз также для проформы вздохнули, когда показали кровоточащую язву мира Украину, Сирию и теракт где-то, где нас нет, кто-то еще погиб, землетрясение еще показали. Славу Богу не мы, Славу Богу не у нас. Взыли от потери лишь родственники погибших, да Городок горевал девять дней по туристам. На самом деле умерло тридцать три человека. Умер Иван, когда хоронил жену и маленькую Софу в закрытом гробу. Он превратился в овощ, и сам толком не помнил, как оказался в областной больнице, вроде пытался травиться.

– Живи настоящим и никогда не возвращайся в прошлое, знаю, туда очень хочется, но, чтобы не разрушать будущее, не оборачивайся», – сказал на прощание черноволосый с едва уловимой сединой врач. Хороший дядька, ему можно доверять. Брюнеты с пробивающейся сединой и мягким голосом всегда вызывают доверие.

Я в клубе. У барной стойки. Стою и пью пиво из жестя-

ной банки. Я крутой. Я так же крут, как герои фильма «Город грехов». Вторая часть. Я посмотрел ее перед тем, как выйти на улицу. Новогодние каникулы. В единственном клубе Городка полно народу. Понаехали студенты, за столиками сидят и те, кому за, и те, кому не с кем, и те, кому пофиг с кем. На входе охранники, крепкие, поэтому ровные ребята. С приходом студентов в Городке стало больше доступных наркотиков. Меня угостил колесом Андрюха. Мой сосед. Так вырос, голос давно сломался, сейчас лицо ломается, в мужика превращается. Сам еще пока тощий. Волосы тоже выросли. Длинные. Как и он сам. Год назад я его видел. Он еще ребенок, сейчас ребенок из города. Смешной. Суету наводит. Слов много. Мутить пытается. Подняться хочет. Двигаться, Денег хочет. Но самое главное – авторитета хочет, чтобы с уважением говорили, чтобы плохо не то чтобы сказать, подумать боялись.

Как мне противен этот клуб. Эти пьяные рожи, запах пота и пролитого на пол пойла. Ко мне подходят люди, здороваются. Какой-то чувак что-то мне рассказывает, положив свою руку мне на плечо. «Да. Да. Да», – только и говорю. Я не слышу, что он мне говорит. Не понимаю, что он от меня хочет. Музыка долбит. Охота идти танцевать, но я крутой – крутые не танцуют... не танцуют в таких гадких местах. Это вообще бывший ангар пищекомбината, переделанный, заточенный, подстроившийся, как опытный политик, под эпоху. Мне здесь скучно, но, чтобы я ни говорил, в

этом клубе лучше, чем сидеть субботним вечером перед монитором и тупить. Одному. Чувствую, как в голове искрят нейроны. Сегодня я мог начать изучать английский. Начать читать книгу. Но я стою у барной стойки и допиваю пиво. Химическое пиво из жестяной банки, оно такое отстойное. Беру еще. Взглядом выстреливаю студентку. Она младше меня лет на пять. А может и больше. Я даже видел ее в школе. Помню ее без сисек. Мой двоюродный брат был в нее влюблен. Влюблен. Слово из юности, понятие другого мира. Шестнадцать и одиннадцать лет – это огромная разница. Двадцать семь и двадцать два – разницы нет вообще. Я смотрю на нее. Она чувствует мой взгляд. Танцует далеко, но я знаю, что она подойдет ближе или пойдет к бару. Тут–то я с ней и познакомлюсь без лишних телодвижений. «Познакомлюсь», как смешно это звучит. В Городке знают все друг друга. Я ее знаю. Я просто с ней заговорю. Надо выйти на улицу покурить. Я прохожу в фойе. Музыка здесь гремит не так громко. На красных диванчиках сидят люди. Я со всеми здороваюсь. Радуюсь встрече. Поздравляем с праздниками, не тратимся на пожелания. Я знаю, им также пофиг на меня, как и мне на них. На улице свежо. Даже морозно и хорошо. Глубоко затягиваюсь. Не начать бы снова курить. У крыльца толпится народ. Какая–та разборка. Надо пойти и посмотреть. Развлечься. Вот стоит Порш. Редкий отморозок. Кайфует от того, что, обожравшись синьки бьет рожи. Не боится бить. На прошлых выходных выходил с Филиппо-

вичем, этот метр девяносто бык, а Порш до метра семидесяти не дорос, но коренаст, сукин сын. Слон и Моська вышли биться. Порш попал так удачно в бороду Филипповичу того потом долго собирали.

А это кто такой? Такого чижики я вижу в Городке впервые. Дрищ, да еще и кудрявый. Он что-то пытается объяснить, но получает в торец. Падает. Его начинают мутузить. Сразу двое. Это уже неправильно. Впихиваюсь в драку. Шум, гам, но мне на все насрать. Все это происходит снаружи, внутри у меня колесо. Мне даже вроде, как и круто. Мы стоим с этим пацаном вдвоем. Его зовут Олег, у него нос с широкими ноздрями и несколько мерзких прыщей на лбу. Он зовет меня пить ром у него дома. Мы едем на крутой иномарке, здесь такие удобные сиденья. В темноте я теряюсь в пространстве. Я сижу в комнате, Олег говорит о какой-то культуре и быдле. Я ничего не понимаю. Я пью ром, и мне уютно, я положил руку на колено прекрасной дамы. Давно такого не было. Давно мне не было так уютно. Я засыпаю.

Антоха проснулся ближе к полудню. Вчерашний день он прекрасно помнил, но надо было срочно включить телефон. СМС-ка не заставила себя ждать. Мама звонила пять раз. Сейчас позвонит. Увидит, что абонент в сети.

– Да, все нормально! Батарейка села. Да. Скоро приду. Надо че в магазине купить? Хорошо, куплю хлеба, – свой голос звучит так же, как голос мамы в трубке. В голове вакуум.

– Мама звонила? Здорово! Кофе будешь? – на пороге ком-

наты в шортах, заляпанных зеленой краской, стоял Олег.

– Да. И кофе буду, и мама звонила.

Стандартная кухонька два на два. Стол, раковина, холодильник, газовая плита, навесные шкафы и мизерный клочок свободного места. На подоконнике подушка и пепельница, Олег забрался на него с ногами и закурил в открытую форточку. Кудрявый Олег, в растянутом свитере и с растянутым наркоманским писклявым смехом, этим утром был похож на француза.

– Ты на француза похож, – Антон хотел сделать комплимент, но приобретенная в городке грубость и колкость исковеркали комплимент на подъеб.

Олег, конфузясь, стал слезать с подоконника, при этом он не сгибал локтей и колен, опираясь лишь на тонкие предплечья. Тонкие предплечья – признак слабости. На секунду показалось, что он их сломает и сломается сам.

– Слушай, а че у тебя за рамс вчера в клубе был?

– Да ну их! Быдло вонючее.

– А где девчонки?

– Ушли.

– Красивые...

– Из Москвы.

– Жаль...

Табуретки с мягонькими клетчатыми подушечками и кофе с корицей затягивали Антоху в утреннюю дремоту.

«На вид нормальный чувак, – забравшись обратно на под-

оконник, думал про себя Олег, украдкой взглядываясь в то-нущие глаза Антона. Такой взгляд обычно видишь у человека, который понимает, у человека, который чувствует – это рядом. Чувствует, а сказать совсем не умеет.

– Ладно, Олег, надо ближе к дому пробираться.

– Давай, Антон, счастливо. В гости забегай.

Воскресным утром тихо. Городок дремлет, важный такой, как кот пушистый, который, наевшись каши, дремлет у печки и на скрипы половиц ухом водит. Глаз не открывает, но все контролирует, так и Городок из окон кухонь удивлялся, кому же это не сидится праздничным воскресным утречком дома. Антоха шел, под ногами снег скрипел, людей не было – выходные, машин тоже – рано еще. Где-то за углом гавкнула собака, поздоровалась с Антохой. От квартиры Олега до подъезда Антохи оказалось идти минут десять.

«На одном районе с ним живем. Почему я его никогда раньше не видел?» – удивлялся Антоха. «Районе. Наш город сам как район. Меньше Купчино в Питере. Городок – райончик. В натуре. Городок – райончик», – к такому неожиданно умозаключению пришел Антоха, подходя к своей парадной.

Антоха с родителями жил в трешке, старшая сестра давно уже вышла замуж и жила отдельно, иногда заглядывая со своими двумя зайчиками-лапочками к родителям на выходные. Старший ее зайка уже ходил во второй класс, и Антоха любил с ним играть в Mortal Combat на Sony Playstation. Се-

годня утром дома была только мама. Не стала задавать вопросов, где сын всю ночь был. Это и к лучшему. Зачем лишней отговорки и оправдания придумывать и что-то говорить. В двух словах все равно не объяснишь. Антоха, довольный, забрался в свою комнату, включил интернет и компьютер.

Новостная лента – ничего нового. Приколы, Америка, фотки, репосты: «Творить добро – это просто». Стоп! Остановилось вращение колесика мышки. Новая фотка. Ничего оригинального: девушка Таня в обнимочку с незнакомым парнягой. Нет, Таня не была девушкой Антохи, да и в тайне он ее не любил. Нет. Просто с полгода назад он мял ее после первого дня свадьбы своего кореша. Потом они чутка попереписывались в ВКонтакте и все. А вот теперь, полгода спустя, Танюша, стоит на фото с пареньком в обнимку, а этот пацанчик стоит в обнимку с Таней у себя на аватарке. И сделано у них селфи. А селфи вдвоем, как известно, делаешь только в минуты благодати, а выкладываешь селфи вдвоем только с родным сердцу человечком. Антоха смотрел на фотку, многозначительно кивнул и закурил припрятанную еще неделю назад сигарету. Конечно, Антоха не расстроился, но стало вдруг как-то пусто, одиноко, обидно и снова одиноко, а с такими новостями вообще никак не бросить курить. Курил в открытую форточку, пепел сбрасывал в цветочный горшок. Мама на это ругалась, а Антон говорил, что пепел – это удобрение. Так они и не могли найти общий язык.

Докурив, Антоха снова залез ВКонтакте. Что за утро? Удар за ударом. В сети Антоха встретил свою любовь юности.

С тошнотой от сигареты накатили и воспоминания.

Тогда в местном доме культуры до трех часов ночи для пьяных, вылезających из подвалов по субботам детей, гремели такие группы, как Rammstein, Краски, Пропаганда и Mr.Credo со своим нетленным хитом «В белом танце». Героем этого медлячка и представлял себя Антоха, когда видел ее – Валю. Свободную, взрослую, по слухам доступную. Каждую субботу они встречались взглядами. Все божьи дети умеют танцевать. Они танцевали: Антоха дышал с закрытыми глазами за ее спиной, она это чувствовала, ей было тепло, тоже закрывала глаза. Иногда, заигравшись, Валя касалась парня кончикам пальца. Оставляла ожог. Как только начинался медляк, Антоха отходил в сторону, смотрел на нее, но не подходил. Гордый был, то есть стеснительный. Она тоже отходила к другой стене и смотрела поверх голов, никого не замечая. Антоха уехал учиться и как-то раз ехал домой с Вале́й в одном поезде. Договорились тогда встретиться в Городе. Она не пришла, а Антоха больше никогда не покупал цветы на первые свиданья. Сейчас на фотографиях была женщина с двумя детьми, женщина в красном купальнике на египетском пляже со шрамом от кесарева, женщина в красном платье с кудрями, женщина с тем же взглядом. Не с блядским дешевым блеском, а с блудливым, как Калифорния, взглядом. Лишь нежность в воспоминаниях к Вале, те-

перь только с нежностью Антоха будет вспоминать и Таню.

Саня, суровый мужик, лет тридцати от роду и с благородной, как хороший коньяк, выдержкой на лице, чистил лопатой снег вокруг дома. Снега за ночь выпало немного – снежинки три не больше. Но как-то устал Санек дома в субботу сидеть и есть чебуреки, пожаренные супругой. Вышел на улицу в кирзовых сапогах на меху, в синем рабочем бушлате без шапки, но в рукавицах-шубинках. «Мороз и солнце – день чудесный», – все гениальное просто. Так и Саня смотрел просто, слегка наклонив голову, на гениальный блеск снежинок под солнцем, снежинки удивительной формы прилипали к черным шубинкам и не таяли, можно вдоволь на них полюбоваться, поднести поближе к лицу, рассматривать, дышать: аккуратно, чтобы теплым дыханием их не растопить. На заборе так же аккуратно, как аккуратно Саня смотрел на снежинку, по деревянным старым почти сгнившим серым штакетинам (прошлым летом Саня сделал новый, украшенный камнями забор только с фасада дома) вышагивала кошка. Хозяин кинул в нее снежным комком. Захотелось похулиганить, дымчатая соседская киса, не успев и мяукнуть, ошалев от неожиданности, свалилась с забора.

– Летом надо будет забор доделать. Сделаю железный, – вытерев нос рукавицей, оглядывая свои владения, решил Саня. А посмотреть было на что: еще пару лет назад здесь стоял покосившийся домик, а сейчас уже стоит двухэтажный но-

вый домина. Огород тогда был запущен, три огромные ябло- ни со сломанными от старости ветвями никак не могли за- сохнуть и умереть, сейчас на их месте стояла новая поликар- бонатная теплица. А еще за это время был выстроен гараж и, особая гордость, баня. За такую баню Городок прощал Саш- ке его гордость за баню, а как не прощать? Гости приходили в баню, а потом на кухне сидели, чай пили, распаренные, чи- стые, охали: «Уй, хорошо! Ах, хороша баня-то, Саня, у те- бя!». Хозяин улыбался, пело что-то внутри, прет аж тебя, когда ближнему хорошо сделал, когда такую баню построил.

Саня вообще все умел, работающим мужиком по Город- ку слыл. Совсем он не отдыхал, работал по сменам: день- ночь-с ночи-выходной-опять в день. Между сменами халту- рил с брательником, ремонтами занимались, когда снега не было металлолом для сдачи таскал, по осени клюкву меш- ками картофельными на пункт приема носил. Зарабатывал, как умел, спина правда ныла иногда. Не то, чтобы он делал то, что любил, нет, конечно, нет. Он любил... тех для ко- го это делал и как-то легче мешок с клюквой из болота бы- ло выносить, когда в сердце благодать, когда дома так ждали. Труды возвращались стократно. Этими озорными глазками мальчишек, когда он приносил новую игрушку, этой россы- пью поцелуев, когда приносил Лене новую помадку или ду- хи. А сегодня воскресенье, даже Бог отдыхал, Санька тоже решил отдохнуть: поспать, в бане попариться, сыновьям гор- ку из снега сделать, снеговика с детьми слепить, из крошки

угольной рот снеговика нарисовать, ведро на голову поставить. Этим позже займутся, сейчас мультики парни смотрят.

– Здравствуй, Сашенька, что без шапки? – по улице неторопливо шла баба Тася. Добрая, старенькая, таких называешь бабушка, даже «старушка» ее язык не поворачивается назвать. Баба Тася несла в пакет молока половинку черного и газету «Наша Жизнь».

– Здравствуйте, баба Тася! Как говорил Суворов: «Голова в холоде, ноги в тепле!» – швыряя в Машку, местную дворняжку, снег с лопаты, просмеялся Сашка. Машка отпрыгивала, скалилась, вставала на задние лапы, все хотела рукавицу с руки мужика стащить.

Саня вообще был веселый парень и никогда не ныл. Русые волосы, косая сажень в плечах, ясные глаза, как и все добрые мужики в Городке, Саша был похож на снег. На снег под настом. Наст может выдержать вес человека. Так и Саня много чего мог выдержать, не теряя благородной выдержки, скрывая под своим настом–бушлатом рыхлый, чистый, белый снег – двух маленьких сынишек, мечту о дочурке, супругу, уверенность, что через полтора года, когда расплатится за кредит, взятый на ремонт дома, купит новую машину. Нулевую иномарку, может даже «Ford».

– За кредит расплатимся, надо будет машину новую брать. В школу, сама знаешь, как дорого детей водить. Учебники, тетрадки, рубашки, штанишки. А потом еще надо будет их в институте учить, – сказал вчера за ужином Лене, своей жене,

Саня. Даже на работе, когда другие мужики говорили: «Да, *моя* приготовила» или « со **своей** разругался», Александр всегда говорил: «*Лена*», потому что любил. А иногда, когда никто не видел, называл ее зайка.

– Лена! – Саня закричал с порога, и Лена даже успела за-нервничать, – Я маме позвонил, завтра пацанов ей отдадим, поедem в город в кинотеатр на какой ты там фильм хотела?

– Я просто в кино хотела, – Лена еще больше полюбила Сашу. Хотя ее мама думала: «Куда уж больше?».

– Возьми Ольку. Вы будете смотреть, а я в рыбацкий и охотничий схожу.

Лена повисла на шее мужа, стояла на носочках одной ноги, вторую согнула в колене от счастья и целовала, и целовала его в выбритые щеки, пахнувшие одеколоном, как будто птичка–синичка клюет зернышки.

– Все–все! Хватит! Дети же смотрят. Я пошел баню растапливать. В снегу–то будешь валяться?

Лена не ответила, ей было не до этого, Лена уже держала в руках телефон и набирала Ольку.

Саня сидел на наспех сколоченной лавке за домом, пил смородиновый чай и смотрел, как из печной трубы валит дым. Саня любил смотреть на дым – это его успокаивало, гипнотизировало, а листья смороды еще летом засушила Лена. Она вообще в этом году постаралась: настояла белую сирень на самогонке для больной спины тестя. Санин батя мазал этой мазью поясницу и не стонал зимними ночами от бо-

ли. Насушила шиповника, чтобы пить витаминный чай, для себя набрала крапивы, чтобы ею промывать свои густые русые волосы, иван-чая заготовила.

Саня выдохнул и вздохнул вместе с Городком. Как два брата, рука об руку, Городок и Саня сидели на лавочке, прибежала и Машка. Пролезла через щель в заборе, Саня, как и полагается хозяину, знал, где эта щель, но специально ее не заделывал, ему нравилось, что к нему прибегает эта собачонка, а еще его веселило то, как Лена поднимает плечи, разводит руки и говорит: «Пришла опять. Иди отсюда! Как эта псина забегает к нам, калитка—то закрыта?!» Потом Лена уходила, а возвращалась с поддельно-недовольной миной на лице и с костью или с куском хлеба, намазанным маслом. Потом она поднимала одну руку с вкусняшкой выше головы, а второй отмахивалась от прыгающей на нее собаки. Постояв так с минуту другую, бросала так корявенько, как все девочки бросают на уроке физкультуры мяч, Машкину еду вдаль, качала головой и уходила.

Машка положила голову на колено Сани. Вздохнула так по-человечьи, взгляд печальный, смотрит вдаль, не моргает, ждет как будто чего-то, а время-то остановилось, исчезло вместе с мыслями о новой машине. Лишь ветер шумит, под снегом дышит земля, снегирики чирикают в кормушке. Лена утром подсыпала птицам пшена. Саня, Машка, Городок слились на мгновение. Миг между прошлым и будущем...

– Уф! – Саня потряс головой и вспомнил тот миг, когда в

армейке первый раз прыгнул с парашютом.

Ты о чем так задумался? – Лена была хрупка, как хрустальный фужер, и желанна, как Новый год. – Опять на дым из печной трубы засмотрелся. Как там Антоха говорит? «Залип»!

– Откуда она все знает? – Промелькнуло в голове Сани.

– Нет, конечно. Машку гладил.

– Хорошо она устроилась. Ты ее гладишь, я кормлю. Чтоб я так жила!

– Не понял. Я тебя глажу...

Лена вильнула взглядом, словно хвостом, засмеялась и пошла в дом.

– Лена, стой!

– Чего?

– Кстати, Антоху в баню позову.

– Конечно, зови! Я мяса побольше нажарю. Еще и чебуреки есть.

Баня топилась, хорошо сиделось Сане на лавке с Машкой. Любил Машку Городок, за то, что она всем виляет хвостом и быстро забывает обиды, что хозяин ее пьяный бывает пнет, а она все равно с ним в магазин идет. Любил Машку Сашка за то, что она к нему прибегает поластиться – любили Машку все, а она, проныра, любила поесть. Ела дома, ела у Сани в гостях, трескала сосиски, которые ей давали сердобольные продавщицы продуктовых магазинах.

Машка – смесь лайки и дворняжки, и, как говорят знато-

ки, эта простая русская помесь дает человечному миру человечности, а среди других собак эти беспородыши отличаются сообразительностью и умными, от того и грустными глазами Машка бегала круглыми сутками по улицам, иногда заливалась лаем, с Городком новостями делилась. Больше всех любил Городок Машку, поэтому и топил в реке два раза в год ее слепых щенят. Ибо знал Городок, что не должны щенки становиться уличными псами, как дети не должны становиться суками.

– Саня, здорово, – а Саня аж вздрогнул, не здесь, не в Городке был, а там где все иначе. Перед ним мятый, небритый, засаленный, трясущийся стоял Миша Ганичев, погнало «Маня».

– Выручай, сосед, – ронял слова, как гири, Маня. Сразу ясно, что с похмела издыхает.

– Дай, хоть пару соток, – умолял.

– Дохну, – единственное слово он произнес уверенно.

Противный он был. Конченный тип. Однажды Саня пустил его в дом, а пока за настойкой ходил, его опохмелить, он телефон украл. Санька еще раз поморщился, Маня понимал свою противность и уже давно сам не протягивал соседу руку.

– Стой здесь, – пару соток было не жалко, но давать все равно не хотелось, а он же пристанет. Будет здесь сидеть, канючить.

Через пару минут Саша вынес две бумажки и брезгливо

их протянул.

– Спасибо. Занесу на днях. Мне сейчас за работу должны дать. Я же...

– Иди уже. Подохнешь еще здесь, хлопотать еще потом о тебе, а у меня баня топится, – отрезал, но не грубо хозяин.

– Спасибо. Ты меня знаешь, – Маня помчался на втором дыхании вон со двора, напрямиком в лавку за «пупсиком». Так он называл девяносто пятиградусный сурагат для мытья окон, который он пил с такими же. На двести рублей можно штук пять их купить, а с таким добром и в гости не грех к кому-нибудь заглянуть.

Антоха и Саня сидят в новой парной, прогреваются, подкидывают на раскаленные камни первый ковш горячей воды. Парни знали толк в бане, поэтому пиво не пили, а принесенную Антохой пол-литровую светлого помаленьку подбрасывали на камни, полной грудью втягивая теплый хлебный аромат. Пиво выветривалось, и в бане оставался едва уловимый запах ели. Лена разложила по углам парилки вечнозеленые хвойные иглы. Не любила она все эту химическую хрень – эфирные масла в баночках, а так еще прадеды бани ароматизировали. Сидели парни, молчали, вдыхали пар, не вздыхали. Саня этим летом березовые и дубовые веники заготовил, теща с юга эвкалиптовых пять штук привезла... Не спешат Антоха с Саней, а куда спешить?

– Ну че, давай тебя попарю, – Саня первым Антоху парить

будет.

– Давай–давай.

Антоха растянулся на полке, под голову березовый веник положил, как подушку, на голову холодный эвкалиптовый. Дышит, чувствует, поддал Санек парку. Тепло такое теплое, не обжигает – обволакивает. В голове свежесть, легкость такая. Стоит над ним Санька с двумя вениками, сначала поглаживать начинает спину – мурашки по телу бегут. Сильнее, еще сильнее прикладывается, не бьет – паром окутывает. Еще подкидывает, рычит, как медведь, голосом себе помогает. Все скверну выгонят достает. Вновь веником взмахнул. Ступни. По ступням проходиться. Поднимается Антоха – голова суть-чуть кружиться, а может это легкость. Идет на улицу, ложиться в снег. Горит тело в снегу, демоны убегают, спотыкаются, падают. Городок за бока хватается, больно смешно у демонов жопы горят, а Антоха забегает обратно в парную, садится. Хорошо. Саня улыбается, потом ледяной водой обливается.

После бани хорошо, чинно, сыто, как на джазовом концерте.

«Джаз – музыка сытых», – услышав как-то Бени Гудмана, сказал Дима Туркин – городской талант. Цитаты гениев с периферии не цитируют в интернете. Так иногда знакомые с ухмылочкой скажут: «Во, Димон как-то сказал...» После бани хорошо. Саня и Антоха после отдышались уже, выпили по чашке чаю с мятой, Лена летом много ее засушила, на-

питок из нее делает: мята и мед. Вкуснотища. Можно теперь и накатить неспешно, закусить капустой квашеной и мясом, Лена нажарила мяса с луком без гарнира. Много. Парни сидели на кухне за круглым столом, работает телевизор, поют там песни. После бани хорошо, даже попсовые клоуны не напрягают. Пищит на экране Шаляпин. Прохор, конечно. Все равно на него. Итак благостно. Молчишь, даже голос внутри молчит. Спокойствие и комфорт, как будто джаз слушаешь.

– Ой, хорошо после бани, – опрокинув стопочку самогонки на кедровых орешках, изрекает Антоха. – Только знаешь, что плохо? Домой идти.

– Ты же на такси собирался, – Саня ел капусту и макал черный мякиш в мясную подливу.

– Ну, ехать. Так бы и уснул на этом диванчике.

Есть такие квартиры, куда заходишь и себя находишь, ничего не страшно, никто не напрягает, можешь спокойно на диванчике лежать или сидеть вразвалочку, молчать. Такие дома только у близких друзей и бывают. Так Антоха то ли сидел, то ли лежал на диване и зевал. Саня сидел напротив на табуретке. Дом! Как много в этом звуке! Саня с Леной жили в этом доме уже три года, а дом жил в них. Окна большие, всегда светло в нем, ни пылинки, ни соринки. Прихожая в доме большая, прямиком в кухню переходит. Вдоль стены – гарнитур оранжевый, потолок навесной, цвета морской волны, пол линолеумом покрыт, пол с подогревом, мягкий, ковров не надо. Зала в доме просторная: одно большое окно,

на другой стене – два маленьких. Телевизор на стене ЖК, аудиосистема 5:1, у большого в комнате окна чайная роза в кадке цветет. Спальня Сани и Лены, туда дверь закрыта.

Детская; на обоях в ней божьи коровки и облака, ковер с котом Леопольдом на полу, на нем игрушки разбросаны, кровать двухъярусная. Еще комната есть, она для гостей. Кровать там широкая, аккуратно заправленная, подушки взбиты, белье всегда чистое. В прихожей дверь на второй этаж, не очень крутая с перилами залакированными. Второй этаж Саня еще не достроил, там пока Лена веревок натянула, белье сушит.

Добро увидеть бывает не просто, тут труд нужен, как трудились Саня с Леной, всегда у них хорошо было, поэтому они и умели радоваться от души за других. Где-то год назад уехал из Городка Димка Тригубко в Питер, на работу хорошую почти сразу устроился, пить по-черному бросил, женился на умнице с собственной жилплощадью, а сейчас уже дочка родилась, Александрой назвали. В Городке червивые сразу зашипели: не надолго его хватит, еще неизвестно, чем это аукнется, и только Саня, за ужином рассказывая Лене о Димке, радовался за него.

– Да, радость-то какая, – убирая посуду со стола, думала Лена.

– Да, молодец парень, – Саня с Леной умели читать мысли друг друга.

Не ведает Лена, не ведает Саня, что в книге написано:

«Блаженна ты, любовь, подательница всех благ! Блажен человек, истинную веру обретший и непритворную любовь, ибо сказал Господь: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих».

Еще по рюмашке кедровки Саня и Антоха накатили. Настала совсем лепота.

– Че ты, смотришь сериальчик этот «Выжить после»? – Саня разливал чай.

– Слушай, смотрю, первый сезон начал. Начинается как-то банально. Смешно даже, – Антохе после трех рюмашек тянуло поговорить – сериальчик – отличная тема, не на политику же слова тратить.

– Может быть, но второй сезон, я тебе скажу, вообще огонь! – Санька тоже разгорячился.

– Посмотрим-посмотрим.

– А самое, что интересное, там всего вроде три или четыре сезона Нет этой галиматьи, как в «Ходячих мертвецах», где одно и то же, только локации меняют.

– Так че им еще делать остается, деньги же надо зарабатывать.

– А сегодня она имеет пентхаус в центре Киева, собственный ресторан, коллекцию автомобилей, но никто не знает, что в детстве она росла в нищете, – по телевизору началась программа про какую-то певицу.

– Че, Антоха, нравится Анята? – Саня с намеком на намек подмигнул и указал на девчину в телеэкране.

Антоха уже хотел сказать, так как надо, так как принято:

– Пентхаус у нее есть, ресторан. Дала, кому надо, отсосала, у кого следует.

Но язык не повернулся, демоны из бани ошпаренные когда убегали и зависть в мешке с другими своими прелестями прихватили. Скверны, что живых мертвыми делает, нет.

– Песни ее не слышал, а так очень нравится, значит, и песни у нее хорошие. Вообще молодец баба.

– Да. Молодец тетка. А ты знал, что Хабенский...

– Орк?

Пацаны просмеялись.

– Не. Отличный мужик. Уже больше ста детей от рака спас.

– Хера себе, какой он крутой.

– Да. Вот бы к нам в Городок звезды приехали.

– Зачем?

– Да чтобы у всех праздник был, чтобы люди порадовались.

– ООО!!! Праздника, значит, захотели,— на кухне появилась Лена, распаренная, с полотенцем на голове, в легком халатике на голое тело, (она как-то не стеснялась Антоху, да и Саня вроде на это не обращал внимания). Лена наклонилась к кружке, в которой был заварен шиповник, при этом таинственно оголилась половина ее персиковой груди. Антоха не хотел туда смотреть, постыдные мысли появлялись как-то сами собой.

– Ой, ладно. Пошел я домой. Вам спать пора.

– Так у нас-то оставайся, – Санька был еще не против выпить и посидеть.

– Не, надо идти.

– Ну, давай на посошок.

– Ну, давай!

Антоха вышел на улицу. Морозило, сам он, пьяненький, не стал такси вызывать, решил пешком прогуляться. Выпивал бы с кем другим, по-любому захотелось бы догнаться, продолжить банкет, а сейчас, после бутылочки самогонки, после бани, после Саши и Лены, вообще больше пить не хотелось. Спасибо только им хотелось сказать, Хабенскому сказать спасибо, Прохору Шаляпину, что по телевизору пел, не напрягал. Но почему так мало людей про Хабенского знают, что он добро творит? Почему уроды просмотры на «Ютьюбе» набирают? Почему я сам в интернете на уродов смотрю?

– Да потому, что я сам урод, – вдруг осенило Антоху, – Такой же урод, как и по телевизору в новостях. Только и говорю, что курить завтра брошу. – Я все думал, почему именно «Экспонат» у «Ленинграда» так интернет взорвал. Есть же у них круче клипы – «ЗОЖ», «ВИП», ну и шедевр «Мусор». А тут все ясно стало Антохе, там хоть чутка, да задуматься надо. А тут «Экспонат». Натe! Получите, распишитесь, кругом такие тупые, а я не такой. Я понимаю, что кругом тупые. Экспонаты, а я не такой.

Антоха выкурил полсигареты. В кармане потайном полпачки нашел. Не смог сдержаться. Тошно так стало, голова закружилась, в ногах слабость, чувствует Антоха – вянет. Кинул окурок с силой, а сам поскользнулся и упал на бок, и только фонарь и черное засыпанное звездами небо перед глазами.

Фонарь нагло и символично потух. Час ночи значит. В час ночи Городок фонари гасит, экономит электроэнергию, нечего по ночам шараться, а Антоха стряхивал с себя оцепенение, всю скверну в бане смыл, протер рыло снегом. Заулыбался:

– Ну ничего-ничего, прорвемся. Лишь бы завтра было с хлебом насущным, да у Сани с Леной все хорошо.

Саня с Леной уже выключили телевизор и улеглись спать.

– Я тебя люблю. Не знаю, как сказать короче, – крепко прижав к своей груди Лену, прошептал Саня.

– Ах ты, ежик.

«Так просто! Как у нее получается делать такие комплименты? – Саня засыпал, – Хорошо, что сегодня заходил Антоха...»

Лене не спится, ворочается. Как с бани вышла, трусиков еще не надела, любит обнаженной спать. Вся пышет.

– Фу! – громко выдыхает Лена. Жарко, а там аж пожар. Закрывает глаза – хочет. По спине мужа, света очей своих, ноготками проводит. Он вздрагивает, от этого Лена еще больше взводится. Переворачивает его на спину, сверху запры-

гивает, губами врежется в губы. Что?! Что такое с ней происходит? Этим мыслям она всегда говорила: «Стоп». Никогда не преступала черту, которую сама начертила, никто не ставил границу, сама баррикаду выстроила, ее робость всегда говорила: «Стоп!». Даже когда была одна, мыслям таким всегда говорила: «Стоп!». Ручками, словно перышками, защищалась, когда Саша хотел ее взять, перешагнув за ту черту, которую она нарисовала, она так ее боялась, стеснялась, что даже разговоры об этом вгоняли ее в краску. Так и получалось, что детей сделали под одеялом, с занавешенными окнами, в темноте, на ощупь. Еще недавно она была счастлива: в жизнь воплотилась мечта.

«Я хочу стать счастливой женой и замечательной мамой», – много лет назад написала она в девчачьей анкете, синенькой такой, с цветочком на обложке, закрывающейся на замочек. В такой точно можно хранить секреты. Так все и вышло. Она была счастлива в браке и была без ума от детей, но последнее время этого стало не хватать. Катастрофически этого стало не хватать, и все чаще в мечтах перед сном она подходила к той черте. Не было робости, не было больше оружия бороться с желанием.

Губами Лена врежется в губы супруга. Спускается ниже. До этого она брала в рот только его пальцы, своей рукой сама сжала свою грудь. Вверх–вниз, вверх–вниз голова. «Боже! – думает Лена, – можно ли о нем думать сейчас? Неважно!» Это «вечно и грешно». Это силы дает, открываются дверцы.

Ленка открывает заднюю дверь. Больно! Смешно! Хорошо! Фейерверк! Звезды в земле. Целая горсть звезд, вот на подушку рассыпались, кинуть их в угол, на пол, на кухню отнести, чтобы весь дом вместе с нами светился!

– Трахай меня! – кричит Ленка. Так не похоже это словцо на Лену. Лена раз всего матюгнулась вслух, когда они с Сашей сели в катапульту на «Диво–острове» в Питере.

– Я сосчитаю до трех и полетите, – сказал смешной губастый парнишка, что их пристегивал к сиденью.

– Три! – они сразу взлетели.

– Блять! – тогда лишь вскрикнула Лена. Это был как гром среди ясного неба, как муха в сметане.

– Сильней! Трахай меня! – кричит Ленка.

– ААААА! – кричит Саня.

Звезды комком, одеяло в ногах, Лена медленно облизывает губы.

Они влажные и соленые.

– Как...

– Молчи, – Лена не дает договорить Саше, пьет тишину, слушает песню, что слышат птицы и звери, что поет в небе чистый ручей. Больше нечего бояться. Сияние обрушилось вниз.

– Душа моя...

Сопит носик Сашин, так и уснул без одеяла. Голенький. Прикрыть его надо. Постарался сегодня: и снег чистил, и баню топил, и.... Пусть спит, завтра ему еще ее с Олькой в го-

род везти. Как же легко здесь, на этой стороне, нет тебе да, нет тебе нет, так чисто, ясно, как в весенний солнечный день: и все это с тобой, рядом сопит, внутри, снаружи. Лена засыпает, летела, сегодня она летала не хуже Маргариты на щетке в романе. Разнесла стену, как Маргарита вынесла все стекла в доме, а стена та и не стена вовсе, так, пшик всего–то, страха грамм сто.

Димка Тригубко, стоя у зеркала в ванной и в свете сто-ваттной лампочки, мог хорошенько себя рассмотреть, внимательно всмотреться в отражение:

– Нда... – повторял он снова и снова – Нда... – бил ладонями по щекам, оттягивал пальцами мешки под глазами, так что появлялись красные капилляры, и вновь многозначительно произносил:

– Нда...

Конечно, бритва, одеколон и шампунь сделали свое дело, – придали фейсу свежести и лоска, но – «Нда»... опять звучало с таким мощным акцентом, как будто в ванной кто–то уронил металлический станок для бритья прямо на кафель. Звон в пустоте. На кухне, скажем, этот станок бы упал не так громко, а в ванной понимаешь, что повнимательнее надо быть к себе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.